

А. ЛУНАЧАРСКИЙ

К
О
Н
Ц
Е
Р
Ш

РИСУНКИ М. П. ГЕТМАНСКОГО.

А. ЛУНАЧАРСКИЙ

КОНЦЕРТ

ПОЭМА

Кооперативное Издательство Писателей
„НИКИТИНСКИЕ СУББОТНИКИ“
МОСКВА — 1926 г.

ОТПЕЧАТАНО
В ШКОЛЕ Ф. З. У. ПЕРВОЙ
ОБРАЗЦОВОЙ ТИПОГРАФИИ.
МОСКВА, ПЯТНИЦКАЯ, 71.

ВСТУПЛЕНИЕ.

И нет конца...
И нет конца и краю...
Пространствам нет конца и краю.
Лети, лети, лети!
Лети с предельной быстротою света
И вечности тебе не хватит,
Чтоб облететь хоть часть пространства.
Конечное — не часть
Для бесконечности.
Нет у нее
Ни половины, ни миллионной части.
Все части бесконечности — она же, бесконечность.
Бесконечность...

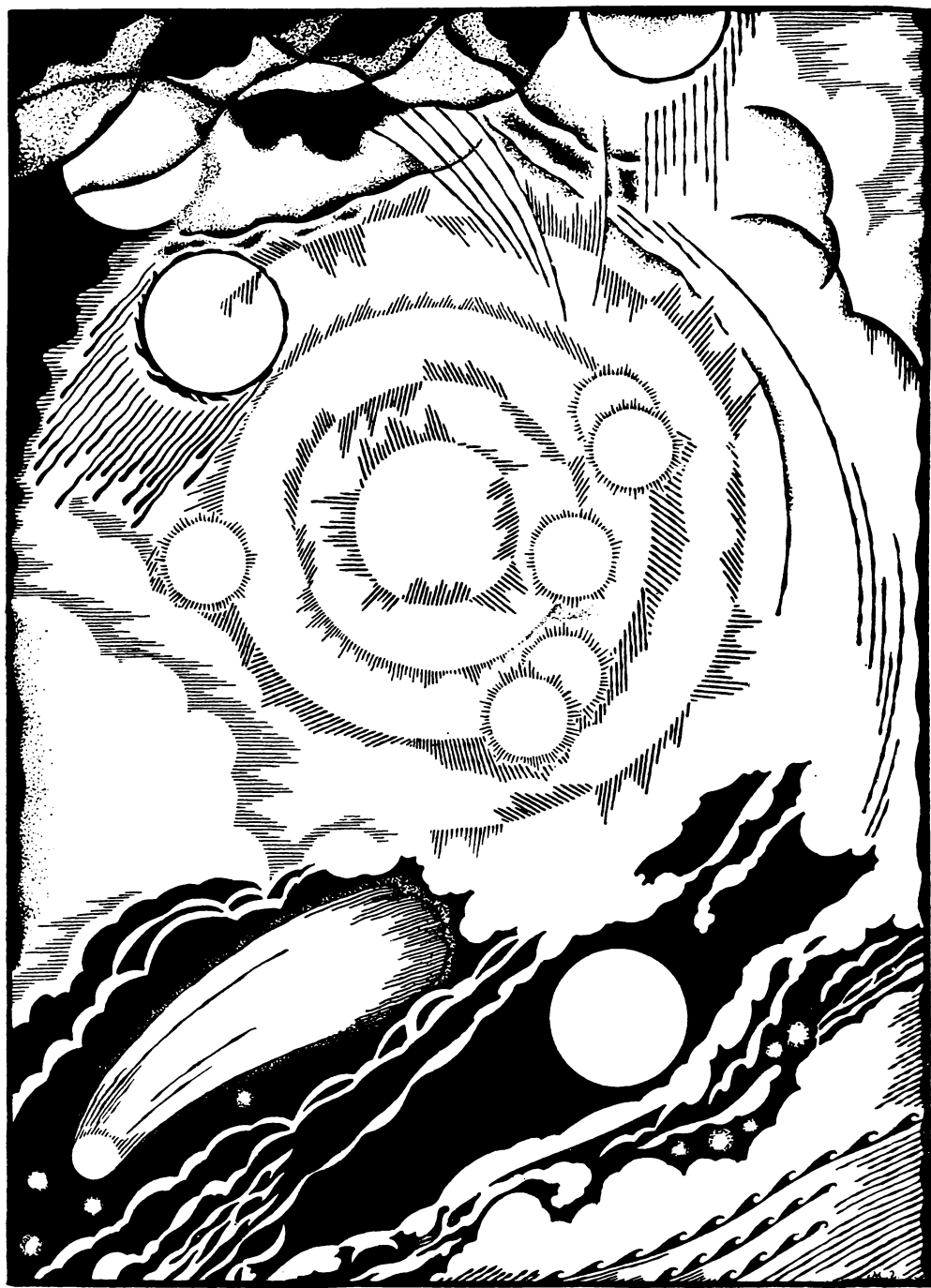
Здесь, где стоим мы.
Видно в безднах темных
Вращенье солнц.
Вращенье вокруг них
Планет лунножемчужных.
Комет косматых.
Слышите?
То слышен вальс миров.

Вальс, вальс, вальс—
Это напевность вселенной,
Вальс, вальс, вальс:
Круг золотой неизменный.
Вальс, вальс, вальс.
Голос любви и движения:
Кружится все в упоенье,
Не сознавая полно.

Вальс, вальс, вальс.
О, круговое движение:
Пляска любви и вино
Светлых сынов мироздания!
Счастье дошло до... рыдания!
Вальс, вальс, вальс.

И под эти
Звуки, светлы,
Зарождаюсь,
Расцветая,
Охлаждаясь,
Догорая,
Умирая,
Как цветы,
Солида кружатся, не зная,
Что такое мир,— как ты.
Вальс, вальс, вальс.
Это напевность вселенной.
Вальс, вальс, вальс:
Круг золотой неизменный.
Бал, бал, бал
Светлых сынов мироздания...
Счастье дошло до... рыдания...
Вальс, вальс, вальс.

Порядок?
Разум?
Космос?
Нет, о нет! — то не порядок,
Не разум и не космос.
Вечный хаос,—
Единственный отец вещей,
Мирьядами мирьяд рождает
Возможности
И в муках,
И в гибели миров
Переживает то,
Что жить способно.
И каждый час
Грозит светлейшему светилу

То слышен вальс миров...

Внезапность разрушенья
Или иначе: медленная смерть.

Сияло солнце синее
Слепительной царицей
Богинею
И лилией,
Сверкающей жар-птицей.
Пространство огибало
Орбитой непомерною
И песни в честь Ваала
Мысль мыслящих слагала:
«Тьма. Сгинь, змея неверная,
Перед копием воителя,
 Властителя
 И мстителя,
Царя весны и дня.
Царя-огня!»

В пространствах темных,
Кружась ненужным шаром,
Незримым ударом
В размахах огромных,
Грозя для встречных,
Из бездн предвечных —
Давно умершее,
Замерзшее,
Сгасшее
Пустою чашею
Забытой жизни
Несется тело:
И налетело...
Вокруг взревело
Безумьем взрыва
Ты, миропламя!..
Каким красивым
Пожаром
Перед нами
Ударом—
Так даром,
Случайно
Погибло светило!

Бескрайно
Все осветила
Кончина...
Нет исполина.
Туманность необ'ятная,
Редчайшая, невнятная:
Начало...
Ты видишь млечно-мутную спираль?
Разумных дальняя семья взирала
Сквозь телескопы.
Было ли им жаль?
Но жизнь и смерть свои калейдоскопы
Казала им.
Мудрейшие, вздохнув, сказали:
«Мир-мним»
И головою покачали.

Зачем родилась ты мысль? Зачем?
Зачем сознание, чувство тем,
Кто к колесу материи прикован?
Затем, чтоб мигом счастья очарован,
Смысл бытию своим блаженством дал.
Но яд ужасных мук сознания бокал
Таит в себе...
Проклятие судьбе!..
О, проживи ты как-нибудь,
Мой бедный брат! И счастлив будь
Хоть мигами: переживи героем
Те муки, что тебя обвеют черным роем!..
Умри! Сознание погаснет. Тело
Опять брожение слепое завертело.
Добро. Душе-то возроденья нет...
Прощай, неверный мир!.. Прощай, безумный

Руки сложил он, смотрит на пары
Черный Пьеро.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

Я .. Я?
Кто я? Кто я?
Все... Все вокруг?..
Кто? Кто 'ты?
Кто-то красивый в бархате черном
Встал грациозно у стройной колонны.
Сам он, как вальс, сам он минорный,
Очи огромны, брови наклонны,
Руки сложил он, смотрит на пары
Черный Пьеро.
Позы, движенья — как ягуара,
И над беретом дрожит перо.

Вальс, вальс, вальс —
Это напев мирозданья
Вальс, вальс, вальс.
Что же? — Танцуйте, созданья
Мига и света и тени.
В пляс, в пляс, арлекины!
Кружит в серебряной пене
Пестрые ноги и спины
Вальс, вальс, вальс..
В пляс, в пляс, коломбины,
В палевом, черном и белом!
Мушки и локоны, мины
То в плутоватом и смелом,
То словно в грустном миноре.
В скрипок заливчатом хоре
Ножки порхают, летучи..

Чары твои так могучи!
Вальс, вальс, вальс.

Он приглашает даму...
Она гибка, высока...
И в маске черной раме
Загаочно, жестоко
Глядят — два ока.
И талии коснулся
Пьери изящной гостыи
И вскрикнул: «кости!
Ты — смерть?»
И тут... проснулся.

Вальс, вальс, вальс...
Отзвук живет еще в слухе...
Где вы, летучие духи?
Где я?
Я... Я?
Кто я?
Кто я?
Все... Все вокруг?
Кто ты?
Кто ты?

Ты тело. Да, вот это тело!
Оно способно так болеть.
И мы — тела. Ходи не смело!
Мы тверды. Камни. лед и медь.
Мы тоже движемся. Скорее
Посторонись! — Несем удар!
Обманны мы: парами реем,
Вода опасна, страшен жар.
Ты, ты — живой. Питаться надо!
И среди нас живые есть.
Вот ходит пища: это стадо,
Вот тигр — тебя он может съесть.
Ха, ха, ха!..
Питаются друг другом звери.
Ты — зверь, мы — звери: берегись!
Ты — человек? Но если в вере,
Иль в племени иной — страшись:
Ужасны люди друг для друга...

Волшебным кругом очертись,
Не выходи за грани круга.
Вперяй-ка взор раскрытый твой
Во тьму, где раздается вой.
Ты — мысль, ты — чувство. Это значит,
Что кто-то странный в теле плачет.
Чужой, обиженный в аду...

„Я руку на сердце кладу,
И сердце бьется, бьется, бьется...“

— О, подожди! — Оно уймется.
Тебя обнимет смерти хлад.
Но вечен мирозданья ад.

Ну, так я спою вам песню.
— Знайте, знайте: я — чудесный!
Я — волшебник, я пою
Песнь счастливую мою.
Небо, небо голубое,
Как люблюсь я тобою!
Моря синие разливы,
Перед вами я, счастливый,
В волнах братьев нахожу,
В недра ценные схожу.
Птицы, птицы, пойте вместе
Гимн луне, моей невесте!
Пойте звездам, теплой тени,
И любимице сирени!
Лик святой земли целуя,
Воспеваю: „Аллилуия“!
Ветер, брат, неси для брата
Больше, больше аромата!
И себя люблю я тоже,
Я хороший, я пригожий.
Я люблю мой звонкий голос,
Мой курчавый, тонкий волос.
В верном зеркале ручья
Сам себе киваю я...

Бегите беды, бегите, бегите, бегите!
Здесь кто-то счастливый?
Ха, ха, ха!
Бегите нужды, бегите, бегите!

Терзайте!
Зазнался? —
Ха, ха, ха!
Покорись боли.
Бессильны мы что ли?

— Мы мучим казня
— За то, что существуешь.
Пределы тесны:
Все здесь толкаются.

Внемлите же, внемлите песне.
Когда мне счастье не дано —
Взлети, моя мечта!
Пускай меня влечет на дно,
Но ты — мечта — летай!
Я создам себе мечтою
Недоступный горю рай,
Там упыюсь я красотой
Той святою, чистой, тою,
За которой духа край,
Той вершиной, что снегами
Возвышается над вами..
Вы, о муки, вы о гады!
Что мне цепи, казни ада?
— Вот они мои идеи:
Ими я во снах владею.
И с закрытыми глазами
Чую крылья за плечами.
Я лечу, лечу, лечу,
И кричу, пою, кричу:
Я прощаю палачу,
Бытие благословляю:
Ад — ворота грезы к раю.

— Мучьте сильнее!
Подкладывай жару!
Жарче костер!
Терзайте!
Сомнения в душу!
Пусть потускнеет
Воображенье в засохшем мозгу!

Ах! Не могу!
Я слишком телом,
Телом измучен...
Разве же дух с ним неразлучен?
В порыве смелом
Можно рвануться,
Можно проснуться.
Я не поддамся аду...
О, яду мне, яду!
Не смейтесь, мрачные черти!
Уйду я воротами смерти.

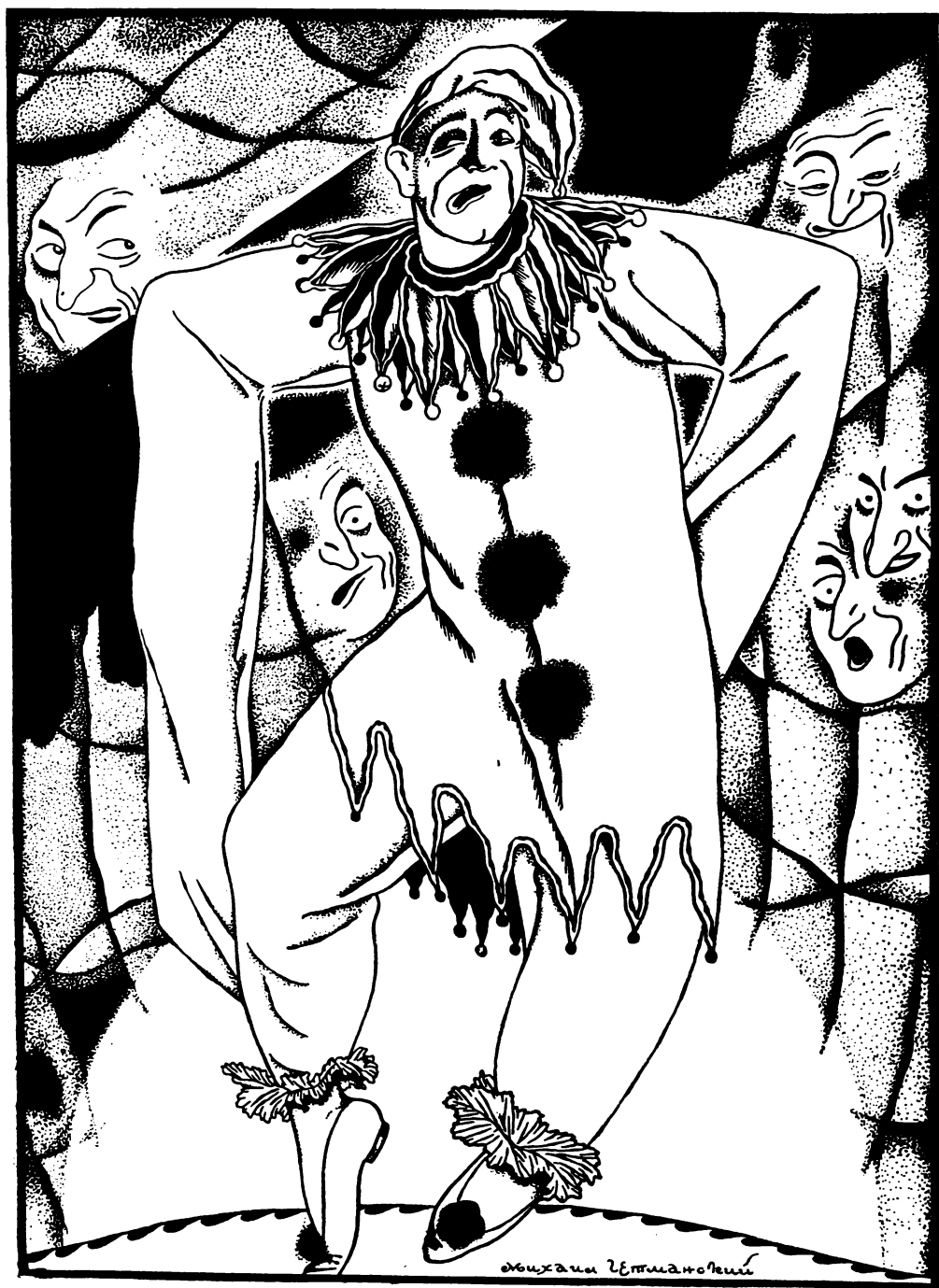
Ха, ха, ха, ха!
Покончен.
Самоубийца!
Ха, ха, ха, ха!

Кругом, кругом, хороводом
Закружимся мы над ним!
Слава вихрям, слава водам,
И огням, и вам, уродам,
Порождениям земли!
Мы согнуть его смогли.
Кругом, кругом, хороводом
Закружимся мы над ним!
Наш союз непобедим!

Я жив. Я буду бороться.
Братья люди... Ко мне в союз,
В наш союз —
Эго!
Го!
Эго!
Кто слышит?
Откликнись!..
Люди —
Вы?
Кто вы?
Кто вы?
Кругом, кругом, хороводом

Закружимся мы над ним.
Слава вихрям, слава водам,
И огням, и вам, уродам,
Порождениям земли!
Мы согнуть его смогли.
Кругом, кругом, хороводом.
Закружимся мы над ним.
Наш союз непобедим!

Перестал кричать он. Смолк.
Не пора ль тащить в могилу?
Где то громко воев волк.
Колокольня через силу
Похоронно дребезжит.
Кто дубиной размозжит
Лоб?
Ну-ка черные, стихии,
Приготовьте-ка, глухие,
Новый гроб...
Сколотили, сколотили
Черный гроб.
Опустили, опустили
В тьму неистовых утроб.
Тех утроб, что все рождает
И рожденья пожирают.
Раздавайся вечный звон,
Вечно жутких похорон!
Звон...
Звон...
Звон...

И впереди толпы Терсит
Кривляется в весельи.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

Какой звенящий, пестрый шум!
Какое многолюдство!
То ярмарка. Тили-бум-бум!
Торгует осторожный ум,
Мотает безрассудство.
Все эти люди — торгаши,
Хотят преумноженья.
На пляске торго попляши.
Лови же! прыгают гроши
В неистовом движеньи.
Средь накопителей, плутов,
Приятен расточитель.
Блудниц он ищет и шутов,
И от щедрот платить готов:
В лакеи не хотите-ль?
Все продается. Пламя дум,
Возвышенное чувство.
Изволь продать — тили-бум-бум!
И превращай в шурум-бурум
Науку и искусство!

Шарманка вечная гнусит,
Вертятся карусели,
Шарманка воеет и басит
И впереди толпы Терсит
Кривляется в весельи.

Толпа сама собой пьяна,
Себе ужасно верит.
Ей чорт — не брат! Тили-па-на!

И гения тотчас она
К себе самой примерит.

Какой звенящий пестрый шум,
То ярмарка, базар то.
Иди играть, тили-бум-бум!
И ставь хитро иль наобум
Всю жизнь свою на карту.

Кто выиграл сам, иль чрез отцов
Тот надуваться в праве,
Но жалок тот среди купцов,
Кто не сумел свести концов —
Его удел бесславен.

Наймись в рабы, паймись в шуты,
Чтоб черт побрал излишних!
Служи, шути — тили-ти-ти!..
Ты — для других, бесправен ты,
Лакей животных пышных.
Тили-ти-ти, тили-бум-бум,
Тили-на-на, тили-ла-ла!
Да здравствует базарный шум!
Как жизнь на свете весела,
О! Жизнь на свете весела!
Гремит, вопит базарный шум:
Тили-на-на, тили-ла-ла,
Тили-ти-ти, тили-бум-бум!

Я.

Я?

Кто я?

Где я?

Ах, мать меня вскормила
Вдали от городов.
Вспоминанье мило
Ее напевных слов.
Певала тихо мама,
И песенка в душе
Поет, поет упрямо
В устах, в карандаше...

И вот я стал поэтом,
Другое в ум войдет.
Я голоден при этом,
Оборван и урод...
Мне хочется покушать,
Мне хочется любви.
Угодно ли послушать?
Базар, свой шум прерви:
Всего лишь строчек восемь,
Вниманья пять минут,
Никто не скажет: «просим»,
И мимо все идут.

Ха, ха!
 Хи, хи!
Чудак!
 Какой худой,
Но интересный
 Будто?
Глаза...
 И брови...
Весь в черном
 ...Пьеро...

И над беретом дрожит перо.
Оно дрожит от холода,
Он бледен так от голода...
Ну, сделаем добро —
Послушаем Пьеро:
Ну-ка, нас повесели,—
Мы молчим,— а ты мели.
Ха, ха, поэт! Ну, просим.

Я извиняюсь...
Всего строк восемь...

Я упал из нежной сказки,
Я проснулся среди теней
Как мне чужды ваши маски,
Страшен вой глухих гудений.
Есть ли бог, чтоб помолиться?
Есть ли друг, чтобы склониться?
Заблудился. И в тревоге
Все ищу домой дороги.

Ха, ха!
Хи, хи!
Какой он жалкий
И гордый,
И глупый
А! А!

Вот и критик наш пришел
Виват наш магистр — Осел!
Ты упал к нам? Сверху — значит?
Ты, выходит, выше нас?
Видите, как будто плачет...
А уж лезет на Парнас
И оттуда на других
Смотрит сверху муз жених.

К нам
Упал?
Наглец, нахал!

И упал из сказки? Как?
Наверху-то сказка? Вон-как!
Или просто ты дурак,
Или хочешь очень тонко
Проповедывать безбожье.
Нахожу неверье тоже
В пятой строчке,
Где в печати
Надо бы поставить точки.
Но, заметьте, люди братья,
Он вас масками назвал.
Вообще наглец, нахал.

Слушайте, слушайте! Вот стихотворец.—
Наш знаменитый, тонкий, искусный:—
Карл-Хозе-Мария-Юлиус-Морид.
Аполлодорус, по прозвищу Вкусный.

Блям, блям,
Блям, блям!

Потрудись для наслажденья,
Или даже не трудись.
Наслажденье — смысл рожденья,

Ха, ха! Хи, хи!
Какой он жалкий
И гордый...

Скучный — лучше не родись.
Наслаждение пиром правит
И купается в вине,
Наслаждение направит
Мужа... пусть к чужой жене.
Наслаждение грешками
Очень стоит уснастить.
Бог, создавший нас божками,
Нам сумеет все простить.
Тот мятежник, кто серьезен,
Судит, хнычет — мир де плох.
На того под'емлет грозен
Посох свой наш добрый бог.
Веселись! Первее всякой
Буди заповедь сия!
Наживайся и не каркай,
Долгой будет жизнь твоя.
Блям, блям,
Блям, блям!

Браво! Браво! Браво!
Ну, орем же всей оравой:
Браво! Браво! Браво!

Какой у нас звенящий шум!
Как жизнь для всех нас весела!
Тили-ти-ти, тили-бум-бум,
Тили-на-на, тили-ла-ла!
Поэта рожица кисла,
И, как волчонок, он угрюм.
Ха, ха, ха, тили-ла-ла,
Ха, ха, ха, тили-бум-бум!

— Я презираю вас!

Ха, ха, ха, ха, тили-на-на!
Поэта рожица грозна.
Ха, ха, ха, ха, тили-ти-ти,
Коль хочешь есть — иди в шуты!

— Я презираю вас!

Нет, я умру, и скоро,
Но я не дам вам больше для позора
Нежнейшие цветы моих садов...
Да, я умру. Умру среди богов,
К которым мне мечта откроет двери,
Умру в надежде, в нежности и вере,
Что есть иной какой-то свет.
Что заблудившийся поэт
Найдет пути к великим братьям, сестрам!
А вам!..
А вам...
А вам хотел бы я звенящим словом острым
Пробить гипопотамовых сердец
Холодные мешки...

— Ха, ха! Гордец!
Хи, хи!

Песенку ему пропойте,
В дурачке ума утroyте.
Не продашь, так и не купишь.
Не продашь — получишь кукиш!
Ты продай, продай, продай!
А не то поголодай!
Ха, ха, ха, ха!

— Я презираю вас.
Я покидаю вас!
Я где-нибудь без слов — умру!
Но пусть в сознании омертвелом,
Пусть в вашем сердце очерствелом
Запомнится мое проклятье,
Как молния, остро, черно, как ночь.
Уйдите! Буду умирать я
Один. Не брат вам, не подобен. Прочь!

Что ты, что ты, наш Пьеро?
Ты не брат нам? Не подобен?
Нет, ты брат одноутробен.
И не так уж все серо
В наших буднях, в нашем стаде.
Мы еще с тобой поладим.
Видишь жгучую Брюнетту?
Пль не нравится поэту?

Видишь жгучую Брюнетту.
Иль не нравится поэту?

Лалла!

Темнокрасных, темнокрасных
Дайте больше роз!
Приключений дайте мне опасных,
Дайте ревности угроз!

Лалла!

Сладострастья, сладострастья
Душен аромат.
Что такое счастье или несчастье?
Миги пусть пьянят.

Лалла!

О, женщина, в твоих глазах огромных,
Таких сияющих и так волшебно томных,
Я пью поэзию... И так она жива!
Какие я найду жемчужные слова
Мелодии — алмазы и рубины?
Какой восторг поэта, страсть мужчины,
Дождь золотой нежнейше нежных ласк
Я подарю тебе!...

Ха, ха!

Хи, хи!

Пьеро — Фантаст!

— Люблю я золото, рубины и алмазы,
Но не люблю стихов, и скучны мне рассказы,

О, дорогая!..

Да!

Я слишком дорога —
Не для тебя я!

Прошла пантерой, бедрами
Играя. Юбок шелк
Вильнул хвостом пурпуровым...
Что ж ты, Пьеро, примолк?

Ах, поверь, поверь, есть много
Сладких в жизни утешений!
Кто не шлет за то хвалений,
Тот гневит напрасно бога.
Мир так пышен, наше тело
Так умеет наслаждаться!
Превосходно божье дело,

В этом надобно сознаться.
Справедливо все на свете:
Если хочешь взять что-либо,
Так и дай, чтоб вещи эти
Для других служить могли бы.
Между всеми солидарность,
Купля, мена и продажа,
Вознесемте благодарность.
Мир — есть рынок, бог же — стража.

Не продашь, так и не купишь,
Не продашь, — получишь кукиш!
Ты продай, продай, продай,
А не то страдай, страдай!

Хи, Хи!
Ха, ха!
Молчит.
Задумался.
Пьеро!
Пьеро!
Эй! Откликнись!

Какая свежая блондинка!
Совсем, как Грезова картинка,
Как поэтична!
От той совсем отлична!
Она жемчужина, а не брильянт.
Смотри-ка, в ручках Дант,
Эй, с соблюдением всех приличий,
Скорей знакомься с Беатриче!

Прелестная, позвольте вас спросить,
Сестрой по духу мне вас не создали ль музы?
Мне одному так страшно, страшно жить...
О, сладки душ родных слиянья и союзы!..

Ах, юноша, живу в садах искусства!
Поэты прежних дней — друзья моей мечты,
Поэту я отдам все мысли и все чувства,
Я жду великого... Быть может это ты?

О, девушка, в твоих глазах кристальных,
Таких родных, и дальних, и печальных
Я пью поэзию!.. И так — она жива!
Какие я найду цветущие слова

Какая свежая блондинка!
Совсем, как Грезова картинка!

Мелодии — сирени и жасмины?
Какой восторг поэта, страсть мужчины,
Цветущий дождь нежнейше нежных ласк
Я подарю тебе!

Хи, хи, ха, ха!

Пьеро — Фантаст

Печатались ли вы? Где лавровый венок?
Где хор поклонников?.. Непризнанный пророк?

— Не мерь успехом.

— Я отвечу смехом...

Прошла, как лебедь, лилия,
Прелестно тоги складок
Скульптурное обилие.
Пьеро, роман не сладок?

Ах, поверь, поверь, есть много
Сладких в жизни утешений!
Кто не шлет за то хвалений —
Тот гневит напрасно бога.
Мир так пышен! Наше тело
Так умеет наслаждаться!
Превосходно божье дело,
В этом надобно сознаться!
Справедливо все на свете.
Если хочешь взять что-либо,
Так и дай, чтоб вещи эти
Для других служить могли бы.
Между всеми солидарность,
Купля, мена и продажа
Вознесемте благодарность!
Мир — есть рынок, бог же — стража.

Не продашь, так и не купишь.
Не продашь — получишь кукиш.
Ты продай, продай, продай,
А не то страдай, страдай!

Хи, хи,

Ха, ха!

Молчит.

Задумался.

Пьеро!
Пьеро!

Ах!
Ну так дайте - ж мне колпак
Лимонно-желтый с бубенцами!
Хочу кривляться средь кривляк,
Пред щедрыми купцами!
Дую, дую в дудочку,
Продаю я дурочку,
Душу продаю.
Ах, какая шуточка:
Ангел проституточка,
Жившая в раю!
Золотую душечку
Дам тому в игрушечку,
Кто мне даст поесть.
Дам за ту же плату я
Искренность проклятую
И гордячку - честь.
Гады, дайте гадышу!
Денежек — прошу,
Не дадите за душу, —
Душу задушу.
Я — веселый продавец,
И слеза не капнет
В миг, когда лихой подлец
Мою душу цапнет.

Ха, ха!
Мне нравится это бесстыдство.
Ха, ха!
Он не глумится ли над нами?
Ха, ха!
Шутам прощается ехидство
Ха, ха!
Гордятся злобными шутами.

Что ж позабудимся шутом
Бесстыдным и неглупым!
Давайте, в складчину, гуртом,
Шута себе мы купим!

Он продан, продан,
Он куплен, куплен.
Смотрите - вот он —
Толпой погублен!

Ешь!

Пей!

Пой!

Тешь,

Злей

Вой!

Ешь!

Пей!

Пой!

Тешь,

Злей

Вой!

Волком вой, живи с волками,
Наградим мы колпаками
Всех цветов и даже славой!
Браво, браво, браво!
Ну, орем же всей оравой:
Браво, браво, браво!

Я знаменит. Euviva слава!
Эй, к чорту нищего сума!
Мне повезло. Вдобавок, право,
Я, может быть, сойду с ума.
Тогда совсем я буду весел,
Любимец лож и первых кресел.

Я.

Я?

Кто я?

Кто я?

О, прощай!

Прощай мое я!

Браво, браво, браво!
Ну, орем же всей оравой:
Браво, браво, браво!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Ааа!

Стоны и стоны несутся над ширью равнины,
Стелется горе туманом над нивами бедных,
Заревом муки горят города — исполины.
Воют заводы и вторят им в плачах ответных
Серые села.

Слушайте стоны! Различим в томительном гуле
Голос какой-нибудь. Страшно черпать в океане
Звуков беды человеческой — нас ужаснули,
Многие лица и очи, недуги, злосчастья и раны
Жалких людей.

Ох, упали рученьки,
Жать невмоготу: —
Кровушка до донушка
Выдохлась в поту!

Изломались косточки...
Помереть бы тут!..
Так ведь дома деточки
Мать родную ждут.

Для чего родилася
Я на белый свет?
Видно в сердце божием
Жалости к нам нет.

Ох, шуршит колосьями
Нива горяча...
Так бы вот и сбросила
Жизнь долой с плеча!

— Aaa!.

Глухие демоны из стали
Греметь на время перестали.
Слышен голос человеческий,
Слышны песни, слышны речи.

Эх, шатаюсь, как хмельной.
Завертим-ка, брат, дыгарку!
Будь чугунный, будь стальной,
Скоро жизнь пойдет на смарку!

Наша барыня машина
Не сердита, да строга:
Чуть замешкался мужчина —
Уж отхвачена нога.

С каждым днем переработка,
Каждой ночью не доспишь, —
Моя женушка, чахотка,
Грудь мне гложет, словно мышь.

Влил остаточные силы
Вам в дешевенький миткаль.
Век прожили, оттужили —
Благо никому не жаль.

Наш хозяин — честных правил:
Богомолец — раб христов,
К миллиону нуль приставил,
А к кладбищу ряд крестов.

Загремело, загудело.
Жизнь наверно хороша:
Не слышать, как ноет тело,
Как рыдает в нас душа!

Стоны и грохот сливаются в хоры
И поднимаются к небу в просторы.
Вот ты вдали
Песням земли
Внемли!

Вальс, вальс, вальс —
Танец труда и неволи,
Вальс, вальс, вальс —
Танец томленья и боли.

Вальс, вальс, вальс,
Страшных колес беспощадных,
Вечных кругов безотрадных,
Бал, бал, бал—
Каторжных тюрем мироздания
Землю вертит под рыдания,
Вальс, вальс, вальс!

Нет усталых
В светлых залах,
Где нарядны,
Улыбаясь,
К жизни жадно
Нагибаясь,
Упиваясь
Золотым ее вином,
Пары кружатся. сливаясь.
Горе стонет за окном.

Вальс, вальс, вальс—
Танец в лохмотьях, в атласе,
Вальс, вальс, вальс,
Дьявол поет в контрабасе
Вальс, вальс, вальс.

В пляс, в пляс, пролетарий,
Синий в багровых заплатках!
Чахлая грешница в паре,
Оба тащуют за плату—
Вальс, вальс, вальс!

В пляс, в пляс, джентельмены,
Ах, элегантные фраки!
Ах, туалеты прелестны!
В скрипок заливчатой пегне
Дьявол плетет свои знаки:
Вальс, вальс, вальс.

Сегодня вы божественно милы...
Как к черным волосам идут кораллы!
Средь этой шелковой и ароматной мглы,
Персты Авроры розовы и алы!

Ох, упали рученьки,
Жать невозможу:

Кровушка до донушка
Выдохлась в поту.

Вы очень выиграли в мундире офицерском ..
Когда вошли — сперва смутилась я.
И посмотрели вы в глаза мне слишком дерзко,
Я вас боюсь... и все же... я твоя.

С каждым днем переработка,
Каждой ночью недоспишь.
Моя женушка — чахотка,
Грудь мне гложет, словно мышь.

Приспели сроки,
Вот на улицах толпы.
Громче кричите, пророки!
Всякий на улицу шел бы.
Нынче улица встала,
Видишь, живые потоки
Вешней рекой побежали,
Волны жестоки.
Лед взломают, размечут,
Ширь захлестнет в разливе.
Город, как красный крик,
Клокотом влечет нивы.
Слышишь, набат пожарный,
Слышишь ты, — ритмы раскатны?
Помнишь их бой булатный
В песнях пророка Верхарна?

В черной люкарне мансарды
Восторженный, бледный и тощий,
С глазами богов Леонардо
Глядит на кипящую площадь
Мятежный Пьеро.
Дрожит от неслышанной мощи,
И над беретом — дрожит перо.

И со своей мансарды
Прыжками леопарда
Спешит к своим он братьям
И так: открытой ратью

Мы вышли из подполий,
Пророки новой веры
 Революционеры.
Кипи среди раздолий
 Красна,
 Грозна
Рабочая весна!

Что там? — Штыки? Кто остановит
Народ, когда он встал с колен?
Нет, не вернется старый плен!
Пусть будет кровь, коли хотите крови!

Защ грянул. Падают. Кричат.
Назад метнулись. Закружились.
Пьеро народный! Где ты? — Взгляд
Померк на миг. Глаза смежились.
И вот открылся взор орла.
Рванулся он. И песня жгла
Сердца родные.
Эй, рабочий,
Революций — грянул гром, —
Победим или умрем!
Туда, вперед! Те дни минули,
Когда ковал нас цепью страх.
Взметнул нас гордости размах —
И так ничтожны эти пули!
Да разве можно умереть,
Когда настало воскресенье?
Сегодня смерть — вознаграждение!
Вперед и будем марш наш петь!

Идем
Под гром
Грозы веселой!
Под грудью голой
Сердца стучат!
И воли буря
Глаза нахмуря,
Ведет нас, брат!
Прочь смерть и время!
Борцы беспечны;

Сегодня все мы,
Да, все мы вечны!
Что кровь и раны?
Как барабаны —
Сердца стучат
Под грудью голой!
Грозой веселой
Грохочет гром!
Идем!
Идем!

О ты, блаженство роковых слияний!
Блаженство быть вождем и братом толп людских!
В груди почувствовать итоги содроганий
Сердец несчетных, быть трубою их,
Их голосом, почувствовать, как в душу
Их мысль, их мощь таинственно влилась.
И, как волна, бегущая на сушу,
На горы, на хребты — тебя под'емлет ввысь.
Поставить там, где вольны горизонты...
И веет ветер истории...

И ты —

Уж не ты и вместе ты впервые.
И чувствовать, как с этой высоты
Ты можешь в молнии извивно огневые
Их электричество могуче перелить,
И путь им освещать, и с ними жить,
Как сердце их, как мозг! Нет выше бытия —
Найти себя в людском огромном я!..
О, люди, в тягостных тысячелетях
Невежеством построенной тюрьмы,
Вы слово создали: его хочу пропеть я —
То слово дивное, святое слово *Мы!*

Мы! О, скажите же хоть раз
Это слово так, как надо —
Сердце станет радо, радо —
Из раскрытых ваших глаз
Слез счастливых капли канут.
Эй, мой брат, века настанут,
Рухнут стены одиночек,

Лопнут узы ранних почек.
И, как утро, после тьмы,
Засияет наше Мы!
Мы! Мы!
Как сладостно нам прозвучало это слово!
Как ново!
Как ясно все вокруг,
Какие длинные дороги
Там впереди! Как легкий шаг упруг!
Как будто крылья заменили ноги.
Ну, запоем!
Песнь новую в честь Мы
Давайте запоем!

Обнимитесь миллионы,
Бейтесь вместе все сердца!
На земле разбиты троны,
В небе нет у нас отца!

Потому сплотимся вместе
Всей стихии светлый дух,
Как жених, своей невесте,
Приготовит пир на двух.

Ты, Бругильда, дева в латах,
Опоясана огнем,
Ты гремящею расплатой
Потрясаешь, как копьем.

Род людской, как Зигфрид смелый,
Хочет свататься к тебе.
Взденет он рукой умелой
Перстенец самой судьбе!

О, красавица слепая,
Прекрати безумный гнев!
Празднуй праздник Миромая,
Нашим разумом прозрев.

Я.
Я?
Кто я?
Кто я?
Люди.

Обнимитесь миллионы!
Бейтесь вместе все сердца!

Кто?
Кто вы?
Все в круге?
Что это?

О, как мне ясно все!
Я — человек, я — выраженье
Отдельное и нужное, живое
Великого родного *Мы*.
А наше *Мы* — божественно.
Оно несет стихиям разум и порядок,
И в космос обращает полухаос.
О, никогда не чувствовал я раньше
Таких сокровищ в сердце и уме!
Дарить, дарить, дарить!
Тоскую я тоской даренья.
Хотел бы жертвы принести без счета
На общем алтаре! О, братья!

Ароматную мою,
Ненаглядную мою,
Душу вам я отдаю.
Вся из песен, вся из света,
Чистой прелестью одета,
Детка душечка поэта
С поцелуем к вам идет.
Пусть ее целует каждый:
Ласки есть для каждой жажды —
Всем станцует, всем споет.
О, она моя и ваша,
С каждым днем все будет краше
Среди душ душа моя.
Ничего не утая,
Ей в приданое отдам
Жизнь, искусство, знанья... В храм
Ты иди, одета в ризы
Юной, словно ангел жрица,
Видишь, как любовны лица?
Как горит любви денница,
Озаряя общий храм.
Людам душу я отдам!
Жив Терсят!
Не смолчит!

— Коли ты людям помогаешь,
Тому не прекословлю я,
Но ты им душу предлагаешь,
На кой им чорт душа твоя?
(Я здесь цитирую поэта,
И ты не гневайся за это)
Ну, *братья*, так ведь величать
Теперь приходится двуногих?
Хочу к вам речь и я начать,
Но от других, да: от убогих!
Постойте, не кричите, да,
Нет больше слуг, мы господа,
Мы господа, однако, люди,
Равно ли пламя в каждой груди?
Равно ли розданы таланты?
Смотрите, вон смеются франты
Над носом и горбом моим.
Как? Нет такого, кто томим
Унылой завистью к другому,
К любимому и дорогому,
К блестящему, счастливому? — не верь
Никто тому! И я скажу теперь
То слово, что давно мне ненавистно:
Мы демократия, как ныне, так и присно.
Я требую таких постановлений,
Чтоб уничтожен был тиран последний — гений!
Оговорюсь: ученый аккуратный —
Когда он полон скромности приятной —
Приемлем. Пусть он и вперед шагнул:
Все ж это общины старательнейший мул.
Но вот поэты, мухи золотые,
Жужжащие над пашущим волом.
Их хвалят, изучают занятые
В их строчках, тащут в гипподром
И рукоплещут там, отбив себе ладони...
Да, да, мы все нуждаемся в законе,
(Который уж давно стоит в самом Платоне)
— «Долой всех гениев, поэтов!»
Ненадобно нам также и советов,
Пророков разных и вождей.
Героев век прошел. Мы ныне без вождей.
Мы вольны, мы равны и братья.

И всякому — кто выше нас — проклятье!
Уж если в ком-нибудь талант полезный есть,
То пусть не думает, что в этом честь.
А ходит пристыжен и очи опустив,
Ко всякому любовен, даже льстив,
И пусть старается работать, что есть силы,
Чтоб мы ему талант его простили.

Кто там высокий, в бархате черном,
Кто там с челом бледным, упорным
Встал улыбаясь?.. Это Пьеро?

Ценой мучений,
Может быть, гений...

И над беретом дрожит перо!

Мой родной Терсит, ты славно,
Славно речь свою держал.
Только вот о самом главном
Ничего нам не сказал.
Люди — гений! Случайны
Их болезни и уродства
И раскрыта будет тайна
Дара духа первородства.
Гениальный зодчий в зале
Им построенной внимает,
Как в торжественном финале
Композитор прославляет
Светлых гениев науки,
А ему за зданье руки
В восхищеньи пожимает
Педагог тех поколений,
Где все чаще будет гений.

Обнимитесь, миллионы!
Бейтесь вместе все сердца!
Равны все мужи и жены,
В каждом чтите вы творца!

Наслаждайтесь. Друг для друга
Будьте люди, как цветы.
Все мое, что есть у друга!
Мы одно: и я, и ты!

Будь всегда желанным, гений,
Чаще вспыхивай во мгле!
В вечной смене поколений
Расцветай по всей земле!

Род наш, словно жизни реку,
Катит к счастью чрез поток.
Человек пусть человеку
Будет брат и вместе бог!

Пусть еще грозит природа,
Впереди пусть много бед.
Но уже дарит свобода
В радужном венке побед.

Ибо жизнь мы все прияли,
В мире «Я» себя нашло,
В людях звезды засияли,
И, клубясь, издохло зло.

Феб великий, символ света,
Тьму стихии покоря!
Ты, зеленая планета,
Человечеством цари!

Я и Мы, и космос юный
Манит тайна вперед,
Сквозь затишье и буруны,
Дух, всегда вперед иди!

1921 год.

1 р. 50 к.

МОСКВА

1926 г.

СКЛАД ИЗДАНИЯ:
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КНИЖНЫЙ СКЛАД ЦК ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ
Москва, Ильинка, Козьмодемьяновский пер., д. 5.